

Н. П. Евстафьева

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

«Ушел, не оставив ни надежд, ни обещаний»:

Г. Газданов об А. П. Чехове

Евстафьева Н. П. «Ушел, не оставив ни надежд, не обещаний»: Г. Газданов об А. П. Чехове. В статье анализируется эссе Г. Газданова «О Чехове» как опыт рецепции чеховского наследия в контексте русской литературной классики с учетом художественно-антропологических концепций XX века. Рассматриваются проблемы биографического автора и авторского сознания, интегрального опыта Чехова и его влияния на мировоззрение и эстетику Г. Газданова. Обосновывается продуктивность аналитической стратегии, выявляющей заданность судьбы писателя его творчеством.

Ключевые слова: *биографическая составляющая, «певец безнадежности», авторское сознание, онтологические начала, нигилизм, система морали.*

Євстаф'єва Н. П. «Пішов, не лишивши ні надій, ні обіцянок»: Г. Газданов про А. П. Чехова. У статті аналізується есе Г. Газданова «Про Чехова» як досвід рецепції чеховської спадщини в контексті російської літературної класики з урахуванням художньо-антропологічних концепцій XX століття. Розглядаються проблеми біографічного автора й авторської свідомості, інтегрального досвіду Чехова та його вплив на світогляд і естетику Г. Газданова. Обґрунтовується продуктивність аналітичної стратегії, що виявляє заданість долі письменника його творчістю.

Ключові слова: *біографічна складова, «співець безнадії», авторська свідомість, онтологічні начала, нігілізм, система моралі.*

Evstafjeva N. P. «He has gone, leaving neither hopes, nor promises»: G. Gazdanov about A. Chekhov. The present article provide an analysis of Gazdanov's essay «About Chekhov» as the attempt of Chekhov's heritage reception in the context of Russian classical literature in consideration of artistic and anthropological concepts of the XX century. The problems of biographical author and author's consciousness, the problems of integral experience and its influence on G. Gazdanov world view and aesthetics are considered. The efficiency of analytical strategies, which bring to light conditionality writer's destiny of his creativity, is established.

Keywords: *biographical component, «singer of hopelessness», author's consciousness, ontological fundamentals, nihilism, morality.*

Эссе Г. Газданова «О Чехове» впервые было опубликовано в нью-йоркском «Новом журнале» в 1964 году с подзаголовком «К 60-летию со дня смерти». Более чем полвека истории русской литературы без Чехова со всей очевидностью показали, что его место в литературном процессе, как и сама природа чеховского таланта, оказались совершенно особыми, трудно поддающимися осмыслению. Обрисовав в нескольких словах человеческую судьбу Чехова, Газданов эпатирует читателя горько-ироническим замечанием: «Труп Чехова был доставлен в вагоне, предназначенном для перевозки устриц, – надо полагать, что среди пограничных властей не было читателей Чехова и им было неизвестно имя одного из самых замечательных писателей России. Одного из самых замечательных – и одного из самых необъяснимых...» [2:652–653]. Дважды подчеркнув необъяснимость литературного дара автора «Степи», «Мужиков», «Палаты номер шесть», «Дамы с собачкой», Газданов решительно отрицает автобиографическую составляющую художественного наследия Чехова. Более того, ему кажется совершенно невероятным тот факт, что, скажем, письма к О. Л. Книппер и «Архиерей» написаны одним и тем же человеком. На первый взгляд, такого рода комментарий может показаться как минимум бестактным. Однако примененная Газдановым аналитическая стратегия оказывается вполне оправданной, поскольку она направлена на преодоление одной из самых косных критических схем, ставящих в прямую зависимость творчество писателя от его жизни.

«Чехов как человек, – что можно сказать об этом? – задается вопросом Газданов. – Мы знаем внешние факты его жизни и их последовательность. Но об остальном, о том, чем он действительно жил, мы можем только строить догадки. Чехов был человеком исключительно сдержанным – черта довольно редкая в русской литературе» [2:653]. Цитируя письмо Лики Мизиновой Чехову, он обращает внимание на следующие его строки: «Мне кажется, что Вы всегда были равнодушны к людям...» [2:653]. Не повторяя Л. С. Мизинову буквально, Газданов вместе с тем принимает отчасти созвучное ее оценке душевной жизни Чехова допущение Б. К. Зайцева, автора одной из беллетризованных чеховских биографии, что сильных чувств в своей жизни Чехов не испытал [2:653; 3]. Прямо противоположную и также учтенную Газдановым точку зрения находим у

И. А. Бунина. В своей книге о Чехове Бунин писал: «А ведь до сих пор многие думают, что Чехов никогда не испытал большого чувства. Так думал когда-то и я. Теперь же я твердо скажу: «Испытал! Испытал к Лидии Алексеевне Авилловой» [1:230]. По поводу воспоминаний Л. А. Авилловой, «неуклюжие» (как выразился Газданов) фразы которых только воображение Бунина могло превратить в «блистательную повесть о любви», критик замечает: «В редких письмах Чехова к Авилловой о любви даже не упоминается» [2:655]. Приведенные суждения о присущих или неприсущих Чехову сильных чувствах нужны Газданову только для того, чтобы с достаточной достоверностью показать закрытость человеческой личности Чехова.

Загадочность Чехова как художника выявляется Газдановым в бесплодных попытках критиков, даже таких авторитетных, как П. М. Бицилли, обнаружить влияние на чеховский мир отечественной литературной традиции – Гоголя, Тургенева, Гончарова. С нескрываемым раздражением Газданов комментирует и поиски так называемых переключек между Чеховым, с одной стороны, и Прустом, Рильке, Т. Манном – с другой. Форму аналитического гротеска принимает газдановский комментарий к давно и широко распространившемуся штампу именовать Чехова «певцом сумерек». Иронизируя по поводу самого существительного «певец», Газданов замечает: «Нет, Чехова певцом сумерек назвать, мне кажется, нельзя. Дело обстоит гораздо трагичнее» [2:656].

Природа чеховского трагизма, как показывает в своем эссе Газданов, непосредственно связана с пристальным вниманием писателя к онтологическому неблагополучию жизни, к метафизической ущербности человека. Феноменологический аспект авторской концепции Чехова прослеживается Газдановым в таких, казалось бы, не похожих друг на друга произведениях, как «Мужики», «В овраге», «Бабы», «Человек в футляре», «Рассказ неизвестного человека», «Дом с мезонином», «Дама с собачкой». Все чеховские персонажи характеризуются им либо как воры, мерзавцы, подхалимы, звери, глупцы и трусливые животные (характеристики скорее ментальные, чем психологические), либо как сознающие свое бессилие хоть что-то изменить в существующем порядке вещей порядочные люди. Твердо верящая в пользу собственных деяний Лида из «Дома с мезонином» самоуверенна и неумна. А вырывающиеся из безотрадного мира мальчик Егорушка («Степь») и умирающий архиерей («Архиерей») являются носителями надреального, трансцендирующего сознания. Общее же впечатление, которое должен испытывать читатель Чехова, заключается, по Газданову, во всеобъемлющей тоске: «... остается только плакать и жалеть о том, что могло бы быть и чего нет, и чего конечно никогда не будет» [2:661].

Бликие Газданову критические суждения находим у Льва Шестова. В статье «Творчество из ничего» философ трассирующим мотивом проводит нигилистическую сентенцию: у Чехова «... идея свергается с трона беспомощным, разбитым, ни на что негодным человеком!» [4:583]. «...настоящий, единственный герой Чехова – это безнадежный человек» [4:584]. «Всем существом своим Чехов чувствовал страшную зависимость живого человека от невидимых, но властных и явно бездушных законов природы...» [4:591]. Анализируя «Дядю Ваню», иронизирующий парадоксалист Л. Шестов замечает, что «герой пьесы готов на какую угодно нелепость, ибо разумного выхода для него нет, а сразу признаться, что нет выхода – на это ни один человек не способен. И начинается чеховская история: примириться невозможно, не примириться – тоже невозможно, остается колотиться головой о стену» [4:592]. Концептуальная оценка Чехова содержится уже в первом разделе статьи Л. Шестова: «Чехов был певцом безнадежности. Упорно, уныло, однообразно в течение всей своей почти 25-летней литературной деятельности Чехов только одно и делал: теми или иными способами убивал человеческие надежды. В этом, на мой взгляд, сущность его творчества» [4:567].

Газданов осознавал свою общность с Л. Шестовым в восприятии и осмыслении художественного мира Чехова, о чем свидетельствует признание самого писателя: «Лев Шестов, кажется, сказал, что все, к чему прикасается Чехов, увядает, и в этих словах есть что-то чрезвычайно глубокое и правильное» [2:661]. Вместе с тем он указал на важность временной дистанции, отделяющей Чехова от интерпретаторов его произведений: «... чем больше проходит времени, тем отчетливее выступает перед нами Чехов» [2:661]. Газданов безусловно понимал свою задачу дополнить и уточнить концепцию Л. Шестова с учетом новых культурно-исторических реалий. Заметим, что шестовский портрет творческой личности Чехова трудно заподозрить в недостаточной рельефности. Крупными жесткими мазками обрисовано коварное сознание, подстерегающее и убивающее всякие человеческие надежды. «И сам Чехов,- пишет Л. Шестов – «на наших глазах блекнул, вянул и умирал – не умирало в нем только его удивительное искусство одним прикосновением, даже дыханием, взглядом убивать все, чем живут

и гордятся люди» [4:568]. Деликатно «снимая с холста» пласты критических суждений Л. Шестова и других интерпретаторов произведений Чехова, Газданов, можно сказать, восстанавливает подлинник. Как художник, ярко выразивший себя в литературе экзистенциализма, он прежде всего сосредоточен на осмыслении Чеховым противоречивых онтологических начал мира и мощном вопрошании человека: «Можно ли найти оправдание тому, что мы видим и знаем?».

Отсутствие у Чехова повышенного тона, надрыва, преувеличений и пафоса, изображение им обыкновенной жизни обыкновенных людей были восприняты Газдановым как принципиально новая, емкая и точно найденная форма отражения проблемы беспричинной безнадежности жизни. Всегда говоря простым языком о простых вещах, Чехов заглянул в глубины более страшные, чем «чудовищный бред гениального Гоголя. Это также и не Раскольников, сравнивающий себя с Наполеоном, не Иван Карамазов со слезинкой ребенка и легендой о Великом Инквизиторе, не князь Андрей на Аустерлицком поле» [2:662–663]. Вся классическая литература, в центр которой Газданов поставил титанические личности Достоевского и Л. Толстого, осмыслена им как выражение протеста против мироустройства, против чудовищной несправедливости государства и общепризнанной морали. В ней еще и ужас перед смертью, и невозможность принять мир, и загадка бытия. «Словом, – пишет он, – ряд трагических, неразрешимых вопросов, поставленных с необыкновенной силой. И все-таки в этом есть какой-то проблеск, какие-то иллюзии, какая-то надежда на то, что это может быть как-то когда-то изменено к лучшему» [2:656]. Мир Чехова в понимании Газданова начисто лишен надежд, иллюзий и перспектив улучшения, поскольку несет в себе онтологическую аномальность. «Он устроен именно так, это не случайность, это не результат ошибки или несправедливости, которую можно исправить. Исправить ничего нельзя. Мир таков, потому что такова человеческая природа» [2:656–657].

Газданов, несомненно, рассмотрел в Чехове писателя, далеко шагнувшего за грань реалистического мышления, но не примкнувшего к стану мистических пророков и теургов. Он показал, как сквозь простоту и прозаичность чеховского образа бытия проступают бесконечная русская печаль, безысходность бедной жизни, безнадежность, отчаянное сознание того, что ничего нельзя изменить к лучшему ни попытками преобразования действительности, ни ее мифологизацией. Особенно внимателен Газданов к литературному мастерству Чехова, к необыкновенной точности его языка, к безошибочному ритму повествования, непогрешимому в своем совершенстве. Органичность Чехова, отсутствие у него любой искусственности и интереса к демиургическому творчеству, способность писать «простым языком о самых простых вещах», в восприятии Газданова, предельно усилили трагизм неразрешимости жизненных проблем, заявленных предшественниками и современниками Чехова. Газданов замечает, что Чехов не был похож ни на одного из своих героев, но все, что он описывает, «в каком-то смысле похоже на письмо мальчика, который живет у сапожника и пишет «на деревню дедушке». Пожалуй только, что в отличие от мальчика, Чехов знает, что никакое обращение ничему не поможет и никуда не пойдет» [2:663].

Приведенная цитата заставляет вспомнить не только созданного А. Камю через сорок лет после смерти Чехова нигилиста Мерсо (роман «Посторонний»), но и отравленных отчаянием героев газдановской прозы. Эссе о Чехове Газданов писал на том этапе собственной творческой эволюции, когда им были радикально переосмыслены основные постулаты экзистенциализма и, как считают некоторые критики, наметилось возвратное движение к реалистической традиции («Пробуждение», «Эвелина и ее друзья» и др.). Однако размышления писателя над наследием Чехова, думается, обнаруживают иную преемственность. Если авторское сознание Газданова и совершило возвратное движение, то, скорее, не к классической традиции, а к интегрирующему реалистические и экзистенциалистские интенции опыту Чехова.

Газданова призывает вернуться к старой истине: «...для того, чтобы знать, что такое зло, надо знать, что такое добро» [2:663]. Чехов, утверждает он, в своем творчестве без затруднений мог бы построить систему положительной морали, хотя бы той, которая определила его собственную жизнь. Мог бы, но не построил. Глубина бездны, в которую было дано заглянуть Чехову, предопределила разность его позиций: человека, никогда не становящегося «по ту сторону добра и зла», и художника, вполне осознающего бессмысленность надежд на спасение. Размышления о «загадочном» Чехове в конечном итоге приводят Газданова к глубоко мотивированному выводу об абсолютной предопределенности человеческой судьбы Чехова его творческими прозрениями.

Литература

1. Бунин И. А. О Чехове / И. А. Бунин // Бунин И. А. Собр. соч. : В 9 т. — Т. 9 : Освобождение Толстого. О Чехове. Избранные биографические материалы, воспоминания, статьи. — М. : Художественная литература, 1967. — С. 169—250.
2. Газданов Г. О Чехове / Гайто Газданов // Гайто Газданов. Собр. соч. : В 5 т. — Т. 3 : Романы. Рассказы. Литературная критика и эссеистика. Массонские доклады. — М. : Эллис Лак, 2009. — С. 652—664.
3. Зайцев Б. К. Собр. соч. : В 5 т. / Б. К. Зайцев. — Т. 5 : Жизнь Тургенева : Романы-биографии. Литературные очерки. — М. : Русская книга, 1999. — 544 с.
4. Шестов Л. Творчество из ничего / Лев Шестов // Лев Шестов А. П. Чехов: pro et contra. Творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX — начала XX в. (1887 — 1914) : антология. — СПб. : Изд-во РХГИ, 2002. — С. 566—598.